РЕЦЕНЗИЯ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2017-2021 ГГ.

doi.org/10.52536/KS/vol_98_issue_2_A8

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК,
доктор политических наук, профессор

Schatz Edward. Slow Anti-Americanism: Social Movements and Symbolic Politics in Central Asia. – Stanford: Stanford University Press, 2021. – 230 p.

Эдвард Шатц (Университет Торонто) опубликовал новую книгу - «Медленный антиамериканизм: социальные движения и политика символов в Центральной Азии». Напомним, что Э.Шатц – эксперт, специализирующийся в вопросах политической ориентации, социальных трансформаций, общественных движений, антиамериканизма и авторитаризма с фокусом на бывший Советский Союз, в особенности на Центральную Азию. Он автор книги «Современная клановая политика: зов «крови» в Казахстане и за его пределами». Книга была опубликована в 2004 году и основана на интервью с более чем 480 высокопоставленными людьми из полити-

ческой и экономической элиты РК.

Автор исходит из того, что наблюдающийся в ЦА антиамериканизм есть продукт общественного протеста, ассоциирующего с «Америкой» все социально-экономические беды постсоветского периода. Кроме того, играет роль внешнеполитический фактор, когда Запад (ассоциируемый с США) оказывает постоянное давление в области демократизации и прав человека. Э.Шатц считает, что на базе антиамериканизма сплотились самые различные социальные силы – обиженные рыночными реформами трудящиеся, настроенные в исламистском духе круги и огромная часть населения, живущая в российском информационном поле.

Э.Шатц признает, что американская гегемония находится в упадке. В геополитическом плане место США начинает занимать Китай в Центральной Азии. Но при этом, как это

ни парадоксально, Америка сохраняет свое символическое значение – будь то в негативном или позитивно идеалистическом представлении. Наиболее наглядно, считает исследователь, это проявляется в Киргизстане, где постоянно идет борьба с авторитарными режимами именно в проамериканском духе. Но решающим фактором центральноазиатского «антиамериканизма» он считает сохраняющееся культурно-цивилизационное влияние России, против которого бессилён даже Китай.

Kudaibergenova Diana T. Toward Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm (Central Eurasia in Context). – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2020. – 240 p.

Наша соотечественница Диана Кудайбергенова (которая является доктором социологических наук, преподавателем Кембриджского университета) в 2020 г. подготовила новую монографию – «На пути к национализации режимов: концептуализация власти и идентичности в постсоветской реальности», построенную на сравнительном анализе развития двух постсоветских республик – Латвии и Казахстана. В своих многочисленных исследованиях Д.Кудайбергенова изучает различные аспекты национального и государственного строительства, взаимоотношения власти и общества, развития политических режимов и идеологий через призму политической социологии. Ее пер-

вая книга «*Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature*», изданная в 2017 году, посвящена вопросам развития национального самосознания, модернизации и культурного развития современного Казахстана.

В своей работе автор ставит следующие вопросы: какой интеллектуальный отклик вызвала идея «постколониальности» в постсоветской Центральной Азии? Кто и как именно отреагировал на длительный период политического, культурного и экономического доминирования советского центра? Чем является для них деколонизация, и какими инструментами и мотивами они пользуются для достижения своей цели? Согласно автору, «идентичность» была одной из главных «интеллектуальных уловок старого центра» и остается таковой для новых режимов. В качестве объединяющего две таких на первый взгляд разные республики фактора автор называет этническую композицию населения, в которой достаточно велик русскоязычный сегмент. Поэтому правящие политические элиты выбрали путь строительства этнократических государств, хотя и с разными скоростями.

Исследовательница также строит следующую парадигму внутреннего развития обеих республик: установление контроля элитами над политическим дискурсом и навязывание своего (нациестроительного) видения будущего; концентрация на этой основе власти в стране и обществе; подавление сопротивления этим процессам со стороны меньшинств; социальный ответ на усилия новых режимов по строительству

национально-капиталистических режимов. Правящим классам в обоих государствах удалось сохранить свое правление. В Казахстане, отмечает автор, несмотря на формальный уход Н.Назарбаева, заданный вектор развития сохранился. В Латвии сложился иной механизм преемственности власти через институты парламентской демократии, но с тем же результатом.

В настоящее время Д.Кудайбергенов завершает работу над своей третьей книгой, посвященной вопросам власти, государства и сопротивления в современном искусстве постсоветской Евразии, а также работает над новым проектом, связанным с теорией государства/режима.

Markey Daniel. China's Western Horizon: Beijing and the New Geopolitics of Eurasia. – New York: Oxford University Press, 2020. – XX+313 pp.

Даниэль Марки (Университет Дж.Хопкинса) выпустил на рубеже 2020 и 2021 гг. книгу «Западный горизонт Китая: Пекин и новая геополитика Евразии». Он является автором книги «Запутанные (или безвыходные) отношения Америки с Исламабадом: без шансов уйти из Пакистана» (2015) и с 2003 по 2007 гг. активно сотрудничал с отделом планирования госдепа США. Новую работу Д.Марки посвятил эпохе Си Цзиньпина, когда Китай приступил к конвертации своей новоприсвоенной экономической мощи в геополитическую. На это нацелена главная инициатива пос-

ледного десятилетия – «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Географически проект охватывает регионы Южной и Центральной Азии, а также Среднего и Ближнего Востока. В структурном плане монография состоит из 6 глав: 1) Китай и новая геополитика в Евразии; 2) глобальные устремления Пекина; 3) конфликты в Южной Азии (в контексте стратегии КНР); 4) угрозы безопасности в ЦА; 5) попытки Пекина умиротворить в своих интересах Средний и Ближний Восток; 6) Американо-китайское соперничество в Евразии.

В качестве приоритетных целей Пекина аналитик ставит в один ряд такие государства как Пакистан, Казахстан и Иран, в которых существуют влиятельные политические и экономические группы и классы, связанные своими интересами с КНР. В своей ориентации и со своим сближением с Китаем они волей или неволей действуют против интересов таких держав как Индия, Саудовская Аравия, Россия и США. Чтобы максимально ограничить влияние Соединенных Штатов, Пекин (совместно с Москвой) изображает в самых негативных цветах действия и политику Вашингтона в Евразии.

Таким образом, основной идеей данной книги становится противостояние в Евразии не России, как этого логично следовало бы ожидать, а КНР с США. Для приобретения стратегического преимущества в Евразии Поднебесной необходимо установить контроль в Центральной Азии, а внутри региона – над Казахстаном. Подключение к китайской

сфере доминирования Пакистана и Ирана делает установление контроля над Евразией вопросом времени. В реализации своей стратегии Пекин делает ставку на те группировки внутри правящих режимов, чьи коммерческие и политические интересы завязаны на китайское присутствие, в т.ч. инфраструктурное.

Любопытно, что в заключении автор приходит к выводу о том, что слишком глубокое проникновение Китая в конечном итоге вызовет серьезные трения между евразийскими державами. Это уже давно поняли в Вашингтоне, который в последние годы целенаправленно разжигает антикитайские настроения в Центральной Азии (в т.ч. используя ситуацию в СУАР). Но у США связаны руки общим снижением американского глобального влияния. Весь вопрос в том, когда это поймут в Москве. Но автор не является специалистом по России, и вся его книга посвящена исключительно китайско-американскому соперничеству в Евразии. Исключив Россию из сферы своего внимания в этом исследовании, автор тем самым игнорирует самого главного и (пока) влиятельного игрока в военно-политической и стратегической области в Центральной Евразии.

Winter Tim. Geocultural Power: China's Quest to Revive the Silk Roads for the Twenty-First Century. – Chicago: University of Chicago Press, 2019. - 304 p.

Книга Тима Уинтера (Университет Западной Австралии) «Гео-

культурная держава: поиск Китаем возрождения Шелкового пути для 21 века» посвящена, как явствует из названия, попыткам КНР реализовать проект «Один пояс, один путь», в качестве прообраза для которого используется исторический миф о Великом Шелковом Пути.

С композиционной точки зрения монография состоит из семи глав, шесть из которых носят исторический характер. С материальной точки зрения исследуются пути перевозки шелка и фарфора; с культурной – влияние и взаимодействие различных цивилизаций. Автор считает, что проект («мечта об интегрированной Евразии», по выражению автора) носит экстраординарный характер стратегического масштаба, поскольку вместе со своей морской составляющей затрагивает торговые, энергетические, финансовые и культурные связи огромных пространств Евразии и Африки, в который так или иначе входят 60 государств и две трети населения планеты. Уинтер ищет ответ на вопрос о геокультурных последствиях проекта в исторической топографии. Речь идет о таких странах как Иран, Шри-Ланка, Кения, Малайзия, Индонезия, Пакистан и многих других. Но в основе проекта лежат, прежде всего, торгово-экономические интересы Китая.

Но для исследователя данный проект интересен тем, что в нем геополитические и геоэкономические амбиции заботливо оснащаются культурой и историей, связывая прошлое, настоящее и будущее. Тем самым Китай становится новым ав-

тором Евразийской истории и архитектором моста между Востоком и Западом. В этом основная идея данной книги. На 2022 год ученый готовит следующую монографию, посвященную связи между геокультурным прошлым и геостратегическим будущим и представляющую собой продолжение указанной работы.

Barisitz Stephan. Central Asia and the Silk Road: Economic Rise and Decline over Several Millennia. – Cham: Springer, 2017. – X+287 pp.

Данную тему еще в 2017 г. задавала монография австрийского историка-экономиста Стефана Баризица (старшего экономиста Австрийского национального банка) «Центральная Азия и Шелковый путь: подъем и упадок на протяжении нескольких тысячелетий». Поскольку данная книга выпала из наших предыдущих обзоров, пусть и с опозданием, но представим ее нашей академической общественности.

Автор представляет свой труд как изложение древней и средневековой экономической истории Центральной Азии в качестве неотъемлемого элемента Шелкового пути на протяжении многотысячелетней истории. Как и принято в изданиях этого устаревающего мейнстрима, основное предназначение Шелкового пути автор видит в историческом предназначении центральноазиатских кочевников в обеспечении торговых, материальных и культурных контактов между Востоком и Западом. Причины упадка данного явления исследователь видит в роковом

сочетании внутренних и внешних факторов. Хронологически он увязывает этот процесс с экспансией китайского и российского колониализма в XVIII-XIX вв.

В композиционном плане монография состоит из пяти частей. Первая часть носит методологический характер и содержит географический, историографический и источниковедческий материал. Вторая часть посвящена ранней истории региона: неолитическая революция; медный, бронзовый и железные века; начало противостояния кочевничества с оседлыми цивилизациями; эллинистическая эпоха; пик первой китайской экспансии на суше и в океане, китайская геополитика; Шелковый путь как мост между Римской и китайской империями; начало усиления давления со стороны степных кочевников.

Третья часть включает исключительно исторический период кочевых империй – от Тюркского каганата до Монгольской империи, а также проникновение ислама. Автор касается также роли экологического фактора, экономических реформ в процессе формирования новой версии Шелкового пути и пагубных последствий «черной смерти» (эпидемии чумы), в которой он видит основную причину упадка Шелкового пути и распада монгольской державы. В четвертой части работы С.Баризица показаны эпохи империи тимуридов и джунгарского нашествия, неумолимое наступление оседлых империй Китая и России. В этой части в форме исторических вкраплений и вставок немало сюжетов посвящено истории

Казахской степи в XVIII-XIX вв. Они касаются в большей степени сползания казахских жузов в состояние экономической (а затем и политической) зависимости от России.

И наконец, заключительная часть книги носит теоретический характер. Оценивая историко-экономический вклад Центральной Азии в истории контактов евразийских цивилизаций, ученый видит в роли региона уникальную попытку организации взаимодействия между кочевой и оседлой цивилизациями. Данное исследование должны изучить в первую очередь специалисты в области экономической истории, а также востоковеды, номунологи и культурологи.

Levi Scott C.

The Bukharan Crisis: A Connected History of 18th Century Central Asia. – Pittsburgh Press: University of Pittsburgh Press, 2020. – XII+208 pp.

Книга профессора Скотта Леви (или Ливая) «Бухарский кризис: взаимосвязанная история Центральной Азии 18-го века» была опубликована издательством Питтсбургского университета в 2020 году. Нам уже приходилось писать о работах этого ученого, посвященных истории региона, особенно по истории индийской диаспоры в Средней Азии.¹

Проф. С.Леви специализируется на социальной и экономи-

ческой истории Центральной Азии раннего современного периода. Он является автором многочисленных статей в научных журналах, а также книг о расцвете и падении Кокандского ханства; торговле и культуре в Индии и Центральной Азии; караванных путях Великого шелкового пути и многих других. Вместе с Роном Села Леви является соредктором исследования «Исламская Центральная Азия: Антология исторических источников», опубликованного издательством Индианского университета в 2010 году. В 2011 году Государственный университет штата Огайо признал Леви лучшим преподавателем, и теперь он возглавляет исторический факультет данного университета. Также С.Леви является главным редактором Оксфордской исследовательской энциклопедии по истории торговых отношений Азии.

Автор исходит из того факта, что в первой половине восемнадцатого века Бухарское ханство в Центральной Азии вошло в кризис, от которого оно так и не оправилось. Череда неудачных урожаев и голод, вызванные климатическими изменениями, спрос на региональном рынке серебра, инновации в технологии производства пороха и оружия, а также политические трансформации, произошедшие в соседних странах, нанесли серьезный урон этому государству. До сих пор причины этого кризиса объясняли тем, что регион оказался изолированным от ранних веяний начавшейся глобализации.

¹ Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900. – Leiden: Brill, 2002. – IX+319 pp.; Levi S. C. Caravans: Indian Merchants on the Silk Road. – New York: Penguin, 2015. – 208 p.

Книга Леви опровергает это объяснение как ошибочный реликт традиционных востоковедческих исследований о регионе.

Вместо этого исследователь предлагает свой набор факторов, лежащих в основе бухарского кризиса. Некоторые из них были взаимосвязаны, а некоторые – автономные, некоторые развивались в течение длительных периодов времени, в то время как другие стали внезапным шоком, но все они соединились в начале восемнадцатого века, к несчастью для Бухарского ханства и тем, кто зависел от него. С.Леви применяет интегративную структуру анализа, применяя историю Центральной Азии к недавним большим исследованиям по ранней и современной евразийской и мировой истории.

История Ферганской долины, а именно Кокандского ханства, давно интересовала историка. На базе проведенных им исследований сначала была написана книга о Кокандском ханстве, а потом уже и книга о кризисе Бухарского ханства XVIII века, который предшествовал возникновению Кокандского ханства.

Известно, что регион Центральной Азии, который был в средние века центром глобальных связей, с началом современного периода оказался на задворках мира. Обычно этот упадок объясняется падением сухопутной торговли и ростом морских перевозок, особенно в Атлантическом и Индийском океанах. Но что это означало для Центральной Азии – потерял ли регион в резуль-

тате этого изменения все контакты с остальным миром, или все же его связи с мировыми экономическими структурами были более глубинными? Историография, по крайней мере, на Западе долгое время утверждала первое, но Леви считает, что регион ни в коем случае не прекращал свои связи с оставшимся миром. Он твердо считает, что феномен глобализации не может быть хорошим или плохим, и всегда есть те, кто от него выигрывают в политическом, военном и экономических смыслах, и те, кто проигрывают.

Ошибочное представление о Центральной Азии как изолированном регионе частично исходит из концепции Великого шелкового пути. Вторая глава книги подробно рассматривает ее с момента образования (термин был сформулирован географом Фердинандом фон Рихтгофеном в 1877 году). Ученый считает, что со временем концепцию Шелкового пути упростили, и из-за этого некоторые из теорий о Шелковом пути неверны или даже находятся в конфликте между собой. Также Леви обращает внимание и на особенности раннего востоковедения, которое делало упор на исламский декаданс или упадок исламских сообществ, пытаясь объяснить успехи европейского империализма и колонизации исламских государств. Для Леви, который хорошо знаком с исследованиями в этой сфере, параллели между искаженным объяснением распада Османской империи и Бухарского ханства стали очевидными.

Традиционные представления о том, как европейцы стали доминировать в Индийском океане, и из-за этого связи Центральной Азии с внешним миром упали, и вкупе с исламским упадком регион самоизолировался, или даже наступил целый цивилизационный спад в Центральной Азии – неверны для понимания истории Центральной Азии в Новое время. Это объяснение упирает на тот факт, что торговля по сухопутным торговым путям, соединяющим Китай с Европой, была якобы единственной коммерческой деятельностью региона. Это синоцентрическое искажение торговой истории Центральной Азии представляет только один небольшой компонент экономики региона. Но внешняя торговля Центральной Азии никогда не была детерминирована транзитом китайских товаров в Европу. Она была намного сложнее, и для того, чтобы понять, как регион был связан со своими соседями, а также то, как эти связи менялись с течением времени, необходимо более серьезно подходить к вопросу изучения торговой истории Центральной Азии.

Поэтому на протяжении всей книги С.Леви прилагает особые усилия, чтобы связать историю Центральной Азии с мировой историей и разными историческими периодами. Кроме истории Османской империи, он довольно подробно рассмотрел некоторые вопросы истории Китая, Индийского океана и России. Также оказалась востребована история Европы и Америки, а также работы

о ранней современной военной революции и по истории глобальных климатических кризисов.

Историки по-разному характеризуют историю Центральной Азии в этот период (примерно с 1500 г. и до русской колонизации). Часто ее называют «узбекским периодом», т.к. на тот момент узбекские племена стали основной политической силой в регионе. Рассматриваемый регион включает в себя южную часть Аральского моря, северную часть Персии, северную часть Афганистана, западный Тянь-Шань, западный Синьцзян. Но упоминая о возможных проблемах с идентификацией этого периода как «узбекского», Леви предпочитает называть его периодом «ранней современности» (т.е. начало Нового времени по европейской классификации), т.к. в это время большие евразийские и даже глобальные исторические процессы формируют процессы, происходящие в Центральной Азии. Вследствие этого Центральная Азия была подвержена этим мировым изменениям.

Ослабление Бухарского ханства обычно связывают с правлением последних аштарханидов – Убайдулла-хана II (1701–1711) и Абулфейз-хана (1711–1747), которых сменила узбекская династия мангытов, основавшая Бухарский эмират, существовавший с 1785 по 1920 год. Некоторые историки относят кризис Бухарского ханства к периоду ранней современности, но Леви считает, что хотя кризис принимает наиболее серьезные обороты

в первой половине XVIII в., его первые признаки становятся явными к 1640-м годам.

Основавшая Бухарское ханство династия Шейбанидов ввела систему апанажа, когда некоронованные члены королевской семьи получали часть наследственных земельных владений или денежное содержание. Автор считает, что система апанажа, которая в свою очередь лежала в основе децентрализации политической системы ханства, усугубила целый ряд других причин, которые в итоге привели к упадку государства. Система апанажа сначала привела к соперничеству среди членов ханской семьи, а потом и к явной децентрализации владений.

Помимо децентрализованной государственной структуры на кризис Бухарского ханства в некотором роде повлияли распад и падение Империи Великих Моголов, а также ослабление торговых отношений между Центральной Азией и Индией. Но даже при этом торговля Центральной Азии не была исключительно транзитной торговлей. Индийский текстиль, перемещавшийся по среднеазиатским рынкам, безусловно, был очень важен, но это только один аспект торговой экономики Центральной Азии. Так, в это время начали расти коммерческие отношения Центральной Азии с Россией. Все возрастающее количество бухарских торговцев отправляются на север через казахские степи на российскую территорию.

Развитие и падение культур Евразии сильно зависело от климатиче-

ских изменений. Кризис XVII века – это длительный период охлаждения, который стал глобальным явлением и привел к голоду и засухе в разных регионах мира. В России с 1601 по 1603 год около 2 миллиона человек погибли по всей империи. В настоящее время историю климатических изменений в Центральной Азии изучают несколько групп ученых-климатологов. Долгие суровые зимы с ранними заморозками, которые уничтожают урожай на полях, и с поздними заморозками и проливными дождями, которые затем замерзают, образуя слой льда на земле, наносят вред кочевому животноводству, лишая лошадей корма. Но этот холодный период завершается к 1730-м годам и погодные условия в регионе снова вернулись в пределы нормы. Поэтому климатический кризис скорее играл более медленный эффект, тогда как непосредственным шоковым явлением для кризиса Бухарского ханства стал монетарный кризис в XVIII веке.

С.Леви с помощью изучения трудов других авторов-экономистов обращает внимание на обесценение серебряных монет, что указывало на ослабление экономики Бухарского ханства (те монеты, в составе которых было больше серебра, говорили о здоровой экономике государства; а монеты с наименьшим количеством серебра в составе являлись показателем ослабленной экономики). В это время резко выросло население империи Цин, что заметно отразилось на

торговых отношениях Центральной Азии. Население империи фактически удвоилось за первую половину XVIII-го века с примерно 160 миллионов человек до 280 миллионов человек. Спрос на серебро на китайских рынках вырос в разы, и центральноазиатское серебро стало утекать в Китай. Содержание серебра в монетах снизилось с 90 до 10 процентов, в стране разразился налогово-бюджетный кризис.

Следующий фактор, который повлиял на развитие кризиса в Бухарском ханстве, – инновации в технологии производства пороха. Хотя порох был изобретен в Китае, а первая артиллерия успешно применена турками при осаде Константинополя, пороховое оружие становится почти исключительно европейским явлением, распространенным среди европейских военных сил. В то же время мы наблюдаем медленное исчезновение преимущества кочевых армий.

В своем исследовании Леви обнаружил, что народы Центральной Азии долго сопротивлялись внедрению пороха на их территории из-за традиций ведения военных действий посредством конных войск, которые свободно чувствовали себя на открытых равнинных пастбищах, и, сидя в седле, всадники могли прицельно стрелять по врагу из лука. Отсутствие большого количества населения в Центральной Азии создавало препятствия для создания пехоты. Конница же, напротив, умела молниеносно реагировать и отражать любой удар.

В мире переломным моментом стало изобретение кремневого мушкета, у которого было большое преимущество перед конницей, и который сухопутные армии использовали во время завоевания Центральной Азии в конце XVII и начале XVIII веков. До этого кремневый мушкет использовали в ограниченном количестве в Иране и Османской империи.

Хотя бухарское государство пыталось внедрить кремневые мушкеты в регулярный обиход, оно неожиданно столкнулось с сопротивлением со стороны узбекских племен, которые представляли собой фундаментальную и легитимную силу в регионе. В ответ государство начинает привлекать на военную службу другие, неузбекские племена, что в свою очередь, способствовало конфликтам и ускорению процессу децентрализации Центральной Азии. Все возникшие факторы в конечном счете приводят к усугублению кризиса Бухарского ханства.

В конце работы С.Леви говорит о нескольких моментах, которыми он хотел бы поделиться с читателями. Он напоминает о том, что история Центральной Азии заслуживает серьезного отношения со стороны историков, а в особенности тех исследователей, которые ведут работы в смежных областях: изучают историю Китая или России. В Центральной Азии происходило и происходит множество событий, и это делает регион очень значимым для изучения истории Евразии.